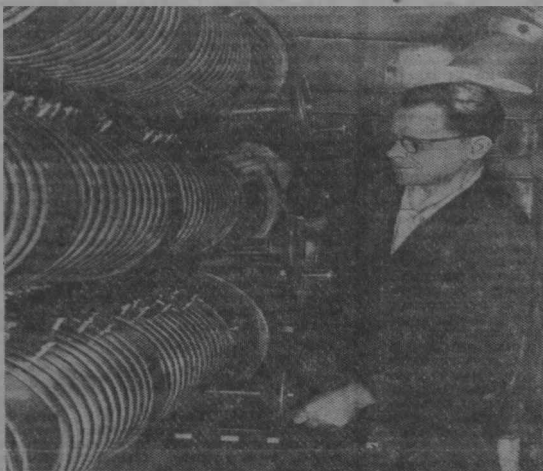

ОНИ НЕ ВИДИТ ЗРИТЕЛЬ

— Есть дать свет! — осветитель Борис КУКУШКИН «начинает» спектакль.

ЭТИХ людей зритель чаще всего не знает: их фамилий нет на афишах. Они никогда не выходят на сцену, чтобы ответить на аплодисменты зрителей, чтобы поблагодарить за внимание. Но актеры, режиссеры, постановщики спектакля делают признание зрителя с людьми, которые сейчас находятся за кулисами, под сценой, на верхней галерее, в «цехах». Ибо без них нет спектакля, нет признания зрителя.

Кто же эти люди, кто эти невидимые участники создания спектакля?

— Декораторы, бутафоры, портные, осветители, гримеры, люди многих других специальностей, — отвечает директор-распорядитель театра Трудового Красного Знамени театра имени Ф. Г. Волкова Василий Павлович Топтыгин. — Их умелые руки, их выдумка помогают режиссеру и актерам донести в зрительный зал мысли автора пьесы, заставить зрителя жить в этот вечер вместе с героями спектакля...

ВОТ и сцена. До начала спектакля еще немало времени. Но здесь кипит работа: сцена «заряжается». Из подсобных помещений выносятся «облака» и дыняровские развешиваются, холмы и перевалы. За какие-то минуты на сцене, которыми разграничен круг сцены, вырастают декорации. Поворот круга — одна картина спектакля, еще поворот — другая. Бутафоры быстро расставляют необходимые реквизиты.

Бутафор... Только настоящий умелец, мастер на все руки имеет право носить это звание.

— Я и портной, я и жестянщик, я и скульптор, я и бутафор, я и кузнец, я и слесарь, я и карьер чеканщик, да разве перечислять все то, что должен уметь делать рабочий-наше-го бутафорного цеха, — говорит Георгий Кузьмин. — Вот вспомните на наше богатырство!

Мы в цехе. Да какой это цех? Это — цветущий сад! Кругом деревья с листьями из алюминия, пышные букеты неувядающих цветов, белоокаймленные скульптуры. Тут даже попугай, машущий своими тропическими крыльями.

Большое мастерство требуется и от Георгия Кузьмина, и от Веры Разорновой, и от Бориса Иванова. Но, конечно, самый, что ни на есть умелец — Иван Георгиевич Холкин. Дай ему и ложки, и консервных ба-

нок, и через некоторое время они превратятся в царскую корону, усыпанную драгоценными камнями.

А какие ткани создаются в цехе! Ни в одном магазине не найдешь таких расцветок. А кружева? Вологодские мастерицы позавидуют им. И делают все это краски, самые дешевые ткани да умелые руки и выдумка бутафоров...

ПЕРЕД Серафимой Ивановой Варламовой кипа журналов мод. Какой только здесь нет одежды! Серафима Ивановна что-то чертит, примеряет. Она занята поиском. И удивляется тут нечему — Варламова главный закройщик женского платья. 25 лет одевает Варламова актрис театра. Сколько костюмов перешила!

— Художник, а не портниха, — там говорит о скромной труженице в театре.

ПОКА Серафима Ивановна «колдует» над новым костюмом к очередному спектаклю, заглянем в комнату, на двери которой значится «Гримерная». Хозяин ее, Владимир Алексеевич Бобренко, заканчивает работу над париком. И чтоб не мешать ему, я решил посмотреть на множество фотографий, развешенных на стенах. Оставившая свой ваяль на портрете Владимира Ильича Ленина.

— Это Нельский, — замечает Бобренко. И как будто вспоминает что-то, продолжает: — Он, и достался мне этот грим! Владимир — генеральная. Надо гримировать. Приехал помочь один видный московский гример. Сделал. Посмотрели — нет, это не Владимир Ильич. Нет портретного сходства.

— Надо искать другого актера, — авторитетно сказал москвич. — Ничего тут не сделаю.

Подумал я и говорю Нельскому: не отчаивайтесь, Валерий Сергеевич, придумаем что-нибудь. Ну-ка, к зеркалу!

Три часа мудрил. По-своему стал делать... И вот теперь этот портрет в моей галерее.

— С театральным двадцатипятилетием! — говорит Серафима Ивановна Варламовой народная артистка РСФСР, лауреат Сталинской премии А. Д. ЧУДИНОВА.

— С двадцатипятилетием и Вас, Александра Дмитриевича! — отвечает закройщица.

Двадцать пять лет они совместно трудятся в старейшем русском театре.

— Без выдумки в нашем деле нельзя, — заключает Владимир Алексеевич, который вот уже около полувека гримирует актеров с именем и пока без такового...

— Ну как, Лиза? Можно на сцену! — говорит Владимир Алексеевич БОБРЕНКО актриса Елизавета БУРЧЕНКО.

НАС, осветителей, на забывают! — раздался голос Владимира Константиновича Мослягина, несшийся откуда-то из-под сцены.

«Глазами театра» называют небольшую будку, где хозяйничает заведующий осветительной частью. От асест прожекторов, от каждой лампочки в театре сюда спускаются электрические провода. Осветители меняют фильтры, расположение осветительных приборов, но включают их только руки Мослягина да Бориса Кукушкина. Пальцы быстро — быстро бегают по рычажкам, и сцена озаряется лучами восходящего солнца. Красные, синие, желтые лучи сливаются воедино, чтобы донести до зрителя всю красоту декораций, созданных умелыми руками художников, руками декораторов, которыми управляет умелый мастер-художник Вера Викентьевна.

...Велико и сложно театральное хозяйство. Нелегка и ответственна работа тех, кого не видит, но кому тоже аплодирует зритель.

А. ТРОФИМОВ.

Фото В. Замыцкого, и Б. Саранцева.

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ

3 стр.

4 февраля 1961 года